

РАЗВИТИЕ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ МОДЕЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

М. И. Мирошниченко

В статье дана характеристика особенностей первой советской женской гендерной модели на втором этапе ее развития — в первой половине 1930-х гг. Показано, что в это период основную тенденцию составили трансформации, происходившие в структуре женской гендерной роли на макросоциальном уровне: в типичных видах деятельности, социальном статусе и изменении под их влиянием традиционных представлений о месте женщины в общественном производстве. Освещена подготовка плана использования женского труда в годы первой пятилетки. Показан процесс постепенной ликвидации специальных женских организаций, приводивший к свертыванию массового женского движения. Отмечено разделение категории крестьянок на две группы (колхозниц и единоличниц) и исключение крестьянок-индивидуалок из категории трудящихся женщин в текстах нормативных документов и массовой пропаганде. Установлены общие черты первой советской женской гендерной модели, сформировавшейся в 1920-е — первой половине 1930-х гг. Определены отличительные признаки на новом этапе ее развития, важнейшими из которых стали наличие комитетов по улучшению труда и быта женщин, женских секторов при отделах агитации и пропаганды в партийных комитетах ВКП(б), ограничение возможности аборта в практике абортных комиссий, изменения отношения к проституции, сокращение дискурсивности женского движения, активное вовлечение женщин в работу на предприятиях тяжелой промышленности. В заключении на основе констатации новых черт (отмены специальных женских организаций, затухания альтернативных советским механизмов женского поведения, запрещения абортных комиссий, вывода о ликвидации проституции) сделан вывод о функционировании с 1936 г. второй советской женской гендерной модели.

Ключевые слова: гендерная история, гендерная роль, вторая советская женская гендерная модель, аборт, женский труд.

Советская история первой половины 1930-х гг. в связи с недавним истечением семидесятилетнего и семидесятипятилетнего сроков давности для основного массива архивных документов все еще во многом остается «белым пятном» в российской исторической науке. Уральская историческая феминология не является исключением в этом отношении. На протяжении первой половины 1930-х гг. в Советской стране складывались своеобразные черты особого типа женской гендерной роли, которые позволяют говорить о переходе развития первой советской женской гендерной модели с ее первого этапа (октябрь 1917 г. — 1920-е) на второй этап, длившийся до середины 1930-х гг. Под моделью мы понимаем гносеологический образ, отображающий исследуемый объект как систему и воспроизводящий его посредством схемы [16].

Видоизменились предписанные и ожидаемые образцы (модели) поведения, которые определяли дифференциацию прав и обязанностей, статусов, деятельности людей в зависимости от их половой принадлежности. В этот период оказались подвержены трансформации типичные виды деятельности, социальный статус и распространенные представления о женщине, которые составляют специфику социального положения женщины и содержание «женской роли» на макросоциальном уровне.

Менее обширна историография проблемы [3; 4; 17; 18; 20].

Общими чертами первого и второго этапов развития первой советской женской гендерной модели стали базовые правовые нормы советского законодательства, определившие юридическое

равноправие женщин с мужчинами, гражданский брак, разрешение абортных комиссий, охрана материнства и младенчества; опора на работниц при сохранении специальных женских организационных институтов в ВКП(б), в том числе делегатских собраний; сохранение идей коммунального быта; неграмотность значительной части женского населения; официальное признание проституции как социального явления; вовлечение женщин в общественное производство; опора на пролетарок; небольшие сроки наказания для репрессированных по политическим мотивам; дискурсивность гендерных моделей; наличие лишений (слоя женщин, лишенных права избирать и быть избранными в советы); открытое пассивное сопротивление со стороны интеллигенток (тех, кто противился вовлечению женщин в общественную работу на профессиональной ниве, теперь относили к категории «старых» — таковыми были «старые акушерки», «старые учительницы» и т. п.).

Сформировался ряд отличительных особенностей второго этапа. К ним относятся, в первую очередь, резкое сокращение массового советского женского движения, уменьшение его государственной поддержки, множественность и меньший статус новых организационных форм, представляемых в качестве основных женских организаций, работа которых фактически была направлена в основном на выполнение задачи расширения сферы женского труда в «мужских» отраслях и «мужских» профессиях.

Массовое вовлечение женщин в общественное производство, в том числе в тяжелую промышленность, стало тем следующим новым моментом, который характеризовал изменения в структуре

деятельности предлагаемой для женщин новой гендерной роли. По оценкам П. М. Чиркова, до 1930 г. главной задачей в области вовлечения женщин в общественное производство было не столько расширение женского труда, сколько сохранение численности работниц в борьбе с женской безработицей. В 1920-е гг., несмотря на некоторое увеличение численности работниц, удельный вес женщин среди рабочих крупной промышленности оставался стабильным (в 1923 г. — 30%, в 1928 г. — 29%) [20, с. 120]. В 1930 г. на крупных предприятиях Госпланом были созданы бригады по вопросам женского труда, призванные определить, в каких профессиях и в каком количестве было целесообразно применение женского труда. Комитеты (комиссии, секции) по улучшению труда и быта женщин, созданные в СССР тоже в 1930 г. с основной задачей вовлечения женщин в общественное производство, также изучали вопросы женского труда. В условиях нехватки рабочих рук в ходе индустриализации и постоянной внешней угрозы была выдвинута задача подготовки женщин для замены мужчин на производстве на случай войны. По итогам работы вышеупомянутых бригад и комитетов Госпланом был разработан пятилетний план вовлечения женщин в общественное производство. В 1931 г. впервые в годовых контрольных цифрах появилось задание по внедрению женского труда. Каждому предприятию один раз в квартал органы Народного комиссариата труда (НКТ) открывали лимит на рабочую силу, которым лимитировалась и контрольная цифра по женскому труду. Организации, отказывавшиеся принимать на работу женщин, снимались со снабжения. Секция по женскому труду в структуре НКТ СССР, инструкторы для организации вовлечения женщин в производство в подразделениях НКТ, ответственные исполнители по внедрению женского труда на предприятиях — все это было направлено на достижение поставленной цели [20, с. 121—122]. В 1932 г. работа комитетов по улучшению труда и быта работниц и крестьянок была признана нецелесообразной, однако были организованы секторы по работе среди женщин в составе агитационно-пропагандистских отделов партийных комитетов. Вопрос о практических задачах и формах работы Советов среди женщин, в том числе и националок, переносился в разряд обсуждаемых [9]. Изменился характер выдвигенчества. Женщины больше стали выдвигаться на руководящие должности на производстве (мастером, бригадиром) и в «мужские» профессии (в слесари, токари, монтеры, фрезеровщики, сварщики, крановщики и т. п.).

Произошло незаметное смещение опоры с красноармеек на красных партизан (среди которых насчитывалось мизерное количество женщин); разделение крестьянок на крестьянок-колхозниц и крестьянок-индивидуалок и исключение крестьянок-индивидуалок из числа трудящихся женщин в контекстах различных документов, обращенных к женщинам [14].

Продолжалась политика охраны материнства и младенчества. С января 1932 г. лицам, получавшим пенсионное обеспечение от органов социального обеспечения по нормам, установленным для лиц,

не имеющих сельского хозяйства (за исключением персональных пенсионеров и лиц, получавших академическую пенсию или обеспечение на себя или члена своей семьи), стали выдаваться дополнительные пособия на предметы ухода за новорожденным (единовременные; в размере месячного оклада пенсий инвалидам гражданской или империалистической войны I группы) и на кормление ребенка (в течение девяти месяцев со дня начала кормления ребенка в размере $\frac{1}{4}$ месячного оклада пенсий инвалидам гражданской или империалистической войны I группы) [6]. Противоречия, проявившиеся между декларацией охраны материнства и младенчества и реалиями жизни, выражались в том, что стрессы при проведении насильственной коллективизации приводили к прерыванию беременностей и мертворождениям. Усилилось внимание к регистрации новорожденных. Не позднее 1 месяца после рождения ребенка его следовало зарегистрировать: в городах и рабочих поселках — в органах записей актов гражданского состояния (в крупных городах — в соответствующих органах районных советов), в сельской местности заявление о рождении подавалось секретарю в сельсовет. При нарушении сроков регистрации накладывался штраф (10—25 руб.), для лиц, злостно уклонявшихся от регистрации родившихся, сумма штрафа достигала 100 руб. При указании в заявлении отцовства органы ЗАГС выдавали лицо, названное в заявлении отцом ребенка в тех случаях, когда у этих органов не имелось сведений о признании отцовства. Если со стороны указанного мужчины в течение месяца не поступало возражений, он признавался отцом ребенка, но имел право оспорить свое отцовство в суде в течение года. По постановлению ЦИК соответствующих АССР, краевых и областных исполкомов срок регистрации новорожденного мог быть продлен до трех, но не более, месяцев [11].

Упразднение женотделов, игравших большую роль в руководстве ясельным строительством, породило проблему поддержки женских инициатив в деле создания этих дошкольных детских организаций. Строительство яслей из поддерживаемых государством общественных инициатив переходит в регулируемое государством направление социальной политики. Из программы охвата жизни трудящихся женщин дошкольными детскими учреждениями в виде детских площадок, детских садов и яслей были исключены крестьянки-единоличницы [10]. В структуру базовых ценностей женского менталитета стала внедряться идея «правильного воспитания ребенка-дошкольника в семье» средствами «массовой педагогической пропаганды» [15]. С целью осуществления «правильного воспитания» подрастающего поколения в дальнейшем Уставом советской политехнической школы с осени 1933 г. в школах вводились должности групповодов в 5—10-х классах (и в 3—4-х классах в тех случаях, когда в них велось предметное или цикловое образование) и (в школах с числом учащихся свыше 300 чел.) педагогов, ведущих внешкольную работу [14]. Провозглашалось не только бесплатность обучения и совместность обучения детей обоего пола, но и задачи антирелигиозного воспитания, организации всей

учебной и воспитательной работы по программам и учебным планам, установленным Наркомпросом РСФСР и на основе типового учебного расписания. Преподавание в советской политехнической школе любого вероучения, исполнение обрядов культа и всяких иных форм религиозного воздействия на подрастающее поколение запрещалось и преследовалось в уголовном порядке (р. I, п. 13) [14]. В 1931—1932 гг. по отдельным городам и областям СССР стало осуществляться обязательное обучение в объеме семилетки, провозглашалось, что станет обязательным в ближайшее время посещение школы всеми девочками до 15 лет. В условиях унификации школьного образования воспитание своих детей в каком-либо религиозном духе через легальные учебные заведения становилось невозможным.

Задачи активизации женской деятельности сохранили первоочередную актуальность в северных районах. По Положению о кочевых советах, которые организовывались в национальных округах и районах северных окраин РСФСР при наличии не менее 200 жителей (р. III, п. 25), деятельность по вовлечению в работу женщин вводилась в предмет их ведения (р. II, п. 7а). По Уральскому краю к территориям Крайнего Севера относились Ямальский и Остяко-Вогульский округа. Рождение, брак, смерть и другие акты гражданского состояния, за исключением смены фамилии, регистрировались кочевыми советами (р. II, п. 22) [13].

Изменилось отношение к проституции, которая стала считаться формой паразитизма и туеядства. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» [7] вводилась норма об уголовной ответственности взрослых за вовлечение несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность (одним из видов антиобщественной деятельности было отнесено и занятие проституцией) [1, с. 216]. Вопрос о полной ликвидации проституции не был снят с повестки дня, но перешел в иную плоскость.

Проведение коллективизации, введение паспортной системы в 1932 г. (которая не распространялась на жителей сельской местности), унификация школьной политики, — все это приводило к усилению государственного контроля за поведением населения. В этих условиях происходило свертывание (вплоть до исчезновения) относительно свободно функционировавших ранее различных гендерных моделей (старообрядческих, мусульманских, меннонитских, толстовских и др.). В условиях продолжавшегося закрытия и разрушения храмов, монастырей наблюдалось прекращение женского православного движения в форме сестричеств (на Урале сестричества перестали существовать в 1930 г.). В этом проявлялась тенденция к унификации гендерной модели, отражавшая тенденцию формирования тоталитарного политического режима.

В рамках «свертывания» нэпа и распространения новой («красной») обрядности размывались традиционные общественные механизмы формирования сексуальности. Выявилась тенденция к сокращению свободы аборта посредством усиления ограничительной функции абортных комиссий. Произошло

изменение визуального образа женщины: прежний маскулинный тип сменился феминным. Возродилась пропаганда семейных ценностей. Возросла грамотность женщин. Происходило включение общественной работы в профессиональные обязанности. При приобретении некоторыми профессиями (например, профессией учителя) характера женских профессий это порождало усиление загруженности женщин. Сократились по сравнению с периодом 1920-х гг. социальные лифты для женщин. Так, к примеру, на должность заведующих средней школой (второй и третьей ступеней) с 1933 г. принимались только лица с высшим педагогическим образованием [14].

Усилилась работа по военизации женщин, она приобретала массовость и дополнялась новыми формами. Женщины вовлекались в работу стрелковых кружков, с 1932 г. проходившую под общим для представителем обоих полов лозунгом «Стреляй поворошиловски!», включались в борьбу за получение звания «Ворошиловский стрелок». По-прежнему привлекались к деятельности различных оборонно-спортивных обществ, особенно Осоавиахима, к получению первичных навыков санитарной работы (сначала через РОКК — Российское общество Красного Креста, а с 1934 г. через комплекс «ГСО» — «Готов к санитарной обороне»), к физкультурному движению. С 1931 г. они участвовали в движениях за сдачу норм ГТО («Готов к труду и обороне»), движении лыжников, парашютистов. В 1935 г. на Урале девушками был выдвинут лозунг «Половину парашютистов должны составлять женщины!» [19].

Претерпели корректировку идеи насаждения коммунального быта. Развивалась сеть общественного питания (в виде столовых, фабрик-кухонь), общественных прачечных, общественных бань, общественных мастерских по ремонту одежды и обуви. Приметой времени стало расширение в первое полугодие 1932 г. при приемно-сдаточных пунктах скупки старой одежды и обуви, ее реставрации и реализации [8].

Содержание проводимой Советским государством с 1936 г. политики в женском вопросе позволяет сделать вывод о складывании со второй половины 1930-х гг. второй советской женской гендерной модели. Отсутствие широкого массового женского движения под эгидой ВКП(б) и массовых специальных женских организаций в структуре партии большевиков стали первой ее отличительной чертой. Статья 122 Конституции СССР 1936 г. представляла женщине в СССР равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав обеспечивалась представлениями женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов. В ст. 137 гл. IX «Избирательная система» утверждалось, что женщины (без учета социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности) пользуются

правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами [4]. Советская практика по-прежнему рождала многочисленные и уникальные женские инициативы (движение жен-общественниц с лета 1934 г., виноградовское движение многостаночниц с осени 1935 г., хетагуровское движение «Девушки — на Дальний Восток!» с 1937 г., движение за овладение мужскими профессиями и др.). Появились не только женщины-трактористки, но и машинисты разливочных кранов, сталевары, женщины-летчицы, снайперы, радистки, таксистки, минеры. Однако с опорой на селе на и крестьянок-колхозниц и совхозниц категория «крестьянок-единоличниц» с развитием коллективизации исчезла из состава социальной базы советской политики. Усилился государственный контроль над сферой частной жизни женщин, в том числе в 1936 г. были запрещены аборт. Ужесточился режим при содержании женщин в местах заключения; резко возросли сроки наказания. Женщины в числе всего советского населения подверглись репрессиям в ходе проводимой с 1936 г. кампании репрессий против людей с иностранными фамилиями в рамках борьбы с «врагами народа» и шпионажем, в 1937—1938 гг. в годы «Большого террора». Борьба с проституцией как с социальным злом, наследием капитализма, прекратилась, проститутки стали преследоваться как лица, занимавшиеся преступной деятельностью. В 1940 г. был сделан вывод о том, что проституция в СССР ликвидирована [2, ст. 335].

Таким образом, если конструируемая советской властью социальная роль женщины в 1920-е гг. была в основном ориентирована на активное участие в общественной работе и вовлечение женщин в сферу общественно-полезного труда, то с 1930—1931 гг. главным стало вовлечение женщин в крупную, в первую очередь, тяжелую промышленность; активное участие в общественной работе, поскольку сложились уже определенные традиции, уходило на второй план; усиление контроля над всеми сферами жизни приводило к постепенному исчезновению с середины 1930-х гг. альтернативных советским механизмов женского поведения.

Литература и источники

1. Арсеньева, М. И. Истоки половой деморализации молодежи / М. И. Арсеньева // *Проституция и преступность (Проблемы, дискуссии, предложения)*. — М.: Юридическая литература, 1991. — С. 210—230.
2. Горфин, Д. Проституция / Д. Горфин // *Большая советская энциклопедия*. — Т. 47. — М.: ОГИЗ, 1940. — Ст. 330—336.
3. Гуполов, Ю. В. Формирование института советской семьи как объекта государственной политики: 1917—1940 (на материалах РСФСР) : автореф. ... дис. канд. ист. наук / Ю. В. Гуполов. — М., 2012. — 25 с.
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик). — URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/10/ (дата обращения 14.07. 2014).
5. Костенко Ю. А. Женское движение в России в 1920—1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук / Ю. А. Костенко. — М., 2006. — 339 с.

6. О дополнительных пособиях лицам, получающим пенсионное обеспечение от органов социального обеспечения: постановление ВЦИК и СНК 10 декабря 1931 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1932. — № 1. Ст. 9.

7. О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних: постановление ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1935. — № 19. — Ст. 155.

8. О ремонте обуви и одежды в городах и промышленных центрах: постановление ЭКОСО 15 марта 1932 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1932. — № 27. — Ст. 129.

9. О реорганизации работы комитетов по улучшению труда и быта работниц и крестьянок: постановление ВЦИК 10 июля 1932 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1932. — № 61. — Ст. 271.

10. О ясельном обслуживании детей в городах, промышленных центрах, совхозах, МТС и колхозах: постановление ВЦИК и СНК 20 сентября 1932 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1932. — № 78. — Ст. 345.

11. Об изменении и дополнении инструкции Президиума ВЦИК о порядке регистрации актов рождения: постановление ВЦИК 1 июня 1933 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1933. — № 39. — Ст. 45.

12. Об изменении Кодекса законов о браке, семье и опеке: постановление ВЦИК и СНК 20 июля 1933 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1933. — № 42. — Ст. 159.

13. Об установлении территории, на которую распространяется действие постановления ВЦИК и СНК 10 мая 1932 г. о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере: постановление СНК 26 октября 1932 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1932. — № 91. — Ст. 406.

14. Об утверждении устава советской политехнической школы: постановление СНК РСФСР 19 сентября 1933 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1933. — № 50. — Ст. 210.

15. По докладу Наркомпроса о состоянии дошкольного воспитания в РСФСР: постановление ВЦИК 10 декабря 1932 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1932. — № 91. — Ст. 408.

16. Словарь по логике. — URL: <http://logic.slovaronline.com/%D0%9C%D0%9C%D0%9E/204-MODEL> (дата обращения 15.10.2014).

17. Сытник, И. Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918—1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук / И. Г. Сытник. — Оренбург : ОГУ, 2006. — 194 с.

18. Харитонова, С. Б. Политический и социально-экономический статус женщины: 1917 — июнь 1941 (На материалах Чувашии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. Б. Харитонова. — Чебоксары, 2005. — 23 с.

19. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 13. Д. 527. Л. 58—59.

20. Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917—1937 гг.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук / П. М. Чирков. — М., 1980. — 35 с.

Поступила в редакцию 23 августа 2015 г.

МИРОШНИЧЕНКО Мария Ильинична — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск). Научные интересы: история женщин Урала, историческая феминология, гендерная история, история повседневности, мировой и отечественной культуры. E-mail: mmi74@yandex.ru

Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2016, vol. 16, no. 1, pp. 21—26

DOI: 10.14529/ssh160104

DEVELOPMENT OF THE FIRST SOVIET GENDER PATTERNS FOR THE FIRST HALF OF 1930-ies

M. I. Miroshnichenko, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, mmi74@yandex.ru

The paper presents the characteristic features of the first Soviet female gender model in the second stage of its development — in the first half of the 1930s. It is shown that in this period the main trend made the transformation that took place in the structure of the female gender role at the macro-level: in typical activities, social status and change under the influence of traditional ideas about the place of women in social production. Illuminated training plan for the use of female labor in the first five years. Shows the process of the gradual elimination of special women's organizations, leading to a reduction of mass women's movement. Noted the division of peasant category into two groups (collective farmers and edinolichnits) and the exclusion of peasant-individuals from the category of women workers in the texts of regulations and mass propaganda. Identified common features of the first Soviet female gender model, form in the 1920s — the first half of the 1930s. Defined features in the new stage of its development, the most important of which were the presence of committees to improve the working and living conditions of women, women's sector at the department of agitation and propaganda in the party committee of the CPSU (b) limit the availability of abortion in the practice of abortion committees, changes in attitudes towards prostitution, reduction discourse of women's movement, the active involvement of women in the work in heavy industry. In conclusion, based on the detection of new features (the abolition of the special women's organizations, damping Soviet alternative mechanisms of female behavior, anti-abortion, conclusion on the Elimination of prostitution) concluded functioning since 1936 the second Soviet female gender model.

Keywords: gender history, gender role, the second Soviet female gender model, abortion, female labor.

References

1. Arsenyeva M. I. Origins of sexual demoralization of youth // Prostitution and crime (Problems, discussions, proposals) [Istoki polovoy demoralizatsii molodezhi // Prostitutsiya i prestupnost (Problemy, diskussii, predlozheniya)]. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1991. — P. 210—230 [S. 210—230].
2. Gorfin D. Prostitutsiya // Bolshaya sovetskaya entsiklopediya [Prostitution // The Great Soviet Encyclopedia]. — T. 47. — M.: OGIZ, 1940. — Art. 330—336 [T. 47. — M.: OGIZ, 1940. — St. 330 — 336].
3. Gupolov Yu. V. Formation Institute of the Soviet family as an object of public policy: 1917--1940 (on materials of the Russian Federation): Author. ... Dis. cand. ist Sciences [Formirovaniye instituta sovetskoy semyi kak obyekt gosudarstvennoy politiki: 1917—1940 (na materialakh RSFSR) : avtoref. ...dis. kand. ist nauk] M., 2012. 25 p. [M., 2012. 25 s.].
4. The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics) [Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utverzhdena postanovleniyem Chrezvychaynogo VIII Syezda Sovetov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik)]. URL: [http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676 / chap ter / 10 /](http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/10/) (date treatment 14.07. 2014) [(data obrashcheniya 14.07. 2014)].
5. Kostenko Yu. A. Women's movement in Russia in 1920-1930 .: dis. ...cand. ist. Science [Zhenskoye dvizheniye v Rossii v 1920—1930-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk]. M., 2006. 339 p. [M., 2006. 339 s.].
6. On the additional allowances for persons receiving pensions from the social security bodies: the Central Executive Committee and SNK decree December 10, 1931 // Collection of Laws and Decrees of the Workers 'and Peasants' Government of the RSFSR [O dopolnitelnykh posobiyakh litsam, poluchayushchim pensionnoye obespecheniye ot organov sotsialnogo obespecheniya: postanovleniye VTsIK i SNK 10 dekabrya 1931 g. // Sobraniye zakonony i rasporyazheny raboche-Krestyanskogo pravitelstva RSFSR.]. — 1932. — №1. — Art. 9 (hereinafter — SU RSFSR) [1932. — №1. — St. 9 (daleye — SU RSFSR)].
7. On measures to combat juvenile delinquency: the CEC and SNK April 7, 1935 // SU RSFSR [O merakh borby s prestupnostyu nesovershennoletnikh: postanovleniye TsIK i SNK SSSR 7 aprelya 1935 g. // SU RSFSR]. — 1935. — № 19. — Art. 155 [1935. — № 19. — St. 155].
8. Repair of footwear and clothing in the cities and industrial centers: the decision EKOSO March 15, 1932 // SU RSFSR. [O remonte obuvi i odezhdy v gorodakh i promyshlennykh tsentrakh: postanovleniye EKOSO 15 marta 1932 g. // SU RSFSR]. — 1932. — №27. — Art. 129 [1932. — №27. — St. 129].

9. On the reorganization of the committees to improve the working and living workers and peasants: the Central Executive Committee decree July 10, 1932 // SU RSFSR [O reorganizatsii raboty komitetov po uluchsheniyu truda i byta rabotnits i krestyanok: postanovleniye VTsIK 10 iyulya 1932 g. // SU RSFSR]. — 1932. — №61. — Art. 271 [1932. — № 61. — St. 271].

10. About children in the nursery maintenance cities, industrial centers, state farms, MTS and collective farms: the Central Executive Committee and SNK decree September 20, 1932 // SU RSFSR [O yaselnom obsluzhivanii detey v gorodakh, promyshlennykh tsentrakh, sovkhozakh, MTS i kolkhozakh: postanovleniye VTsIK i SNK 20 sentyabrya 1932 g. // SU RSFSR]. — 1932. — №78. — Art. 345 [1932. — №78. — St. 345].

11. On amending and supplementing the Presidium of the All instructions on the registration of births: the Central Executive Committee decision of June 1, 1933 // SU RSFSR [Ob izmenenii i dopolnenii instruktsii Prezidiuma VTsIK o poryadke registratsii aktov rozhdeniya: postanovleniye VTsIK 1 iyunya 1933 g. // SU RSFSR]. — 1933. — № 39. — Art. 45 [1933. — № 39. — St. 45].

12. Changes in the Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship: Central Executive Committee and SNK decree July 20, 1933 // SU RSFSR [Ob izmenenii Kodeksa zakonov o brake, semye i opeke: postanovleniye VTsIK i SNK 20 iyulya 1933 g. // SU RSFSR]. — 1933. — № 42. — Art. 159 [1933. — № 42. — St. 159].

13. On the Establishment of the territory covered by the regulations and the CPC Central Executive Committee May 10, 1932 on benefits for those working in the Far North: Decision of the CPC October 26, 1932 // SU RSFSR [Ob ustanovlenii territorii, na kotoruyu rasprostranyaetsya deystviye postanovleniya VTsIK i SNK 10 maya 1932 g. o lgotakh dlya lits, rabotayushchikh na Kraynem Severe: postanovleniye SNK 26 oktyabrya 1932 g. // SU RSFSR]. — 1932. — № 91. — Art. 406 [1932. — № 91. — St. 406].

14. To approve the Charter of the Soviet Polytechnic School: Decision of the CPC of the RSFSR September 19, 1933 // SU RSFSR [Ob utverzhdenii ustava sovetskoy politekhnicheskoy shkoly: postanovleniye SNK RSFSR 19 sentyabrya 1933 g. // SU RSFSR]. — 1933. — №50. — Art. 210 [1933. — №50. — St. 210].

15. According to a report on the status of the People's Commissariat of preschool education in the Russian Federation: the Central Executive Committee decision of 10 December 1932 // SU RSFSR [Po dokladu Narkomprosa o sostoyanii doskolnogo vospitaniya v RSFSR: postanovleniye VTsIK 10 dekabrya 1932 g. // SU RSFSR]. — 1932. — №91. — Art. 408 [1932. — № 91. — St. 408].

16. Dictionary of logic [Slovar po logike.]. URL: <http://logic.slovaronline.com/%D0%9C/%D0%9C%D0%9E/204-MODEL> (date accessed 15.10.2014) [(data obrashcheniya 15.10.2014)].

17. Sytnik I. G. Women's issue in government policy and its solution in the Southern Urals: 1918-1930. : dis. ...cand. ist. Sciences [Zhensky vopros v politike gosudarstva i ego resheniye na Yuzhnom Urals: 1918—1930 gg.: dis. ...kand. ist. nauk]. Orenburg: OSU, 2006. 194 p. [Orenburg: OGU, 2006. 194 s.].

18. Kharitonova S. B. political and socio-economic status of women: 1917 — June 1941 (On materials of Chuvashia): Author. dis. ...Cand. ist. Sciences [Politichesky i sotsialno-ekonomichesky status zhenshchin: 1917 — iyun 1941 (Na materialakh Chuvashii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk]. Cheboksary, 2005. 23 p. [Cheboksary, 2005. 23 s.].

19. Documentation Centre of public organizations of the Sverdlovsk region [Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti]. — F. 4. — Op. 13 — AD 527. — L. 58—59 [F. 4. — Op. 13. — D. 527. — L. 58—59].

20. Chirkov P. M. Solution women's issues in the USSR (1917—1937.): Dis. ... Dr. ist. Sciences [Resheniye zhenskogo voprosa v SSSR (1917—1937 gg.): dis. ... dokt. ist. nauk]. — M., 1980. — 35 p. [M., 1980. — 35 s.].

Received August 23, 2015